

§ 12 ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Бородач М.В.

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ПРИЗНАНИЯ И ЗАЩИТЫ РАВНЫМ ОБРАЗОМ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: Работа содержит результаты авторского анализа проблем, связанных с уяснением и интерпретацией конституционного положения о признании и защите равным образом различных форм собственности в Российской Федерации. Автор на основе исследования и сопоставления норм действующего в данной области законодательства России и практики его применения, а также различных научных точек зрения, сформулированных по рассматриваемой проблематике, приходит к выводу о том, что содержание анализируемой нормы российской Конституции не может означать равенства или, по меньшей мере, равноправия всех форм собственности в Российской Федерации, поскольку регулятивное назначение данного конституционного императива неизмеримо шире. В целях выработки авторского подхода к интерпретации конституционного принципа признания и защиты равным образом различных форм собственности в России в работе в качестве основных используются юридико-догматический и юридико-аксиологический методы познания. На основе их применения в работе формулируется вывод о том, что ключевой смысл принципа признания и защиты равным образом разных форм собственности в Российской Федерации состоит в конституционном закреплении базовой правовой идеи, на основе которой формирующиеся, как и уже существующие в обществе экономические взаимодействия могут быть в целом опознаны – и далее, признаны (юридизированы) и защищаемы, – в качестве явления самой собственности (в юридическом смысле). Автор отстаивает мнение о том, что вне такой логики любая дискуссия о равенстве признания разных форм собственности как о равно применимых к ним основаниях легитимации, включая и защиту от посягательств, не будет иметь надлежащих эмпирических подтверждений и оттого неизбежно станет умозрительной.

Ключевые слова: Собственность, признание, правовая защита, легитимация, юридизация, публичные интересы, частные интересы, публичная собственность, аксиологические доминанты, общество.

Abstract: This work contains the results of the author's analysis of the issues pertaining to clarification and interpretation of the constitutional position on recognition and equal protection of various forms of ownership in the Russian Federation. Based on the research and comparison of the norms of the current Russian legislation on this matter and the experience of its implementation, as well as various scientific views, the author makes the conclusion that the content of the analyzed norm of the Russian Constitution cannot signify equality of all forms of ownership in the Russian Federation, since regulatory designation of this Constitutional imperative is immeasurably broader. The author defends the opinion that outside such logic any discussion of equality of recognition of various forms of ownership same as of equally applicable basis for legitimization, including the protection from infringement, will not have the proper empirical confirmation and will thus inevitably become theoretical.

Keywords: Private interests, public interests, legalization, legitimation, legal defense, recognition, ownership, public property, axiological dominants, society.

Принцип признания и защиты равным образом различных форм собственности в Российской Федерации имеет непосредственное закрепление в действующей российской Конституции – что немаловажно, в ряду основ конституционного строя современного Российского государства (ч. 2 ст. 8).

Наименование данного принципа в целях соблюдения канонов точности научных исследований является практически дословным воспроизведением ключевых параметров, закреплённых в тексте вышеназванной конституционной нормы: признание и защита равным образом, а также указание на различные формы соб-

ственности. Однако данное обстоятельство порождает сложности герменевтики нормативного содержания рассматриваемого принципа, сопоставимые с теми, что возникают и при толковании самой части 2 статьи 8 Конституции РФ.

Вообще, в целом, допустимо утверждать, что рассматриваемый принцип, несмотря на кажущуюся доступность словесных формул, использованных в Конституции РФ для его текстуального выражения, является одним из наиболее сложных с точки зрения его доктринального осмысления, интерпретации и практической применимости. Возможно, именно данным обстоятельством обусловлен тот факт, что за более чем 20-тилетний период действия российской Конституции в правовой системе так и не появилось ни одного судебного акта Конституционного Суда РФ, в котором положения части 2 статьи 8 российской Конституции составляли бы ключевой, специальный предмет конституционной герменевтики, и, в результате, в рамках целостной правовой позиции формулировалась бы всеобъемлющая характеристика их нормативного содержания. В настоящее время в ряде решений Конституционного Суда РФ содержатся правовые позиции, отражающие лишь отдельные стороны нормативного содержания принципа признания и защиты равным образом различных форм собственности. Несмотря на значимость этих аспектов, их суммированное восприятие пока по-прежнему не позволяет получить целостную картину нормативного содержания анализируемого принципа, в том числе и в части его соотношения с таким общепризнанным, но не нашедшим прямого закрепления в Конституции РФ исходным началом, как принцип неприкосновенности собственности [4, с. 177]; [10, с. 106-110].

В целом, к настоящему времени на основе ряда судебных решений Конституционного Суда России на практике наметились два основных концепта, раскрывающих нормативное содержание рассматриваемого принципа: 1) идея о намеренном (ограничивающем публично-властную дискрецию) поставлении себя государством в формально равноправное положение с другими субъектами в отношениях гражданского оборота [10, с. 107]; 2) равноправие публичных собственников разных публично-территориальных уровней в имущественных взаимоотношениях между собой при разграничении государственной собственности [19]. Однако же и данные подходы в контексте обсуждения нормативного содержания анализируемого принципа представляются небеспорными.

Думается, что основная сложность в выработке корректного юридико-догматического подхода к осмыслению содержания рассматриваемого здесь

принципа заключается в том, что на стадии разработки текста действующей российской Конституции в основу оценки либеральных идей всеобщего равенства (и их специфических проявлений) в качестве именно *юридических* принципов была, как часто и случается с конвенциональными аксиоматическими научными построениями, негласно положена подавляющим большинством ученых и политиков соответствующая идеологическая подоплека, свойственная периоду трансформации социалистического общества в нашей стране. Однако, основанное на этой подоплеке понимание положений части 2 статьи 8 российской Конституции оказалось несопоставимо с наличной юридической практикой (включая правотворческую политику), которая *per se* не давала и не дает твердой почвы для эмпирического подтверждения истинности идеологемы о всеобщем равенстве (или, как минимум, о равноправии) всех форм собственности, несмотря на то, что эта идеологема до сих пор популярна у многих юристов, экономистов, философов и политиков.

Собственно, идеология (либеральная, социалистическая, любая другая) вообще едва ли может плодотворно использоваться для решения вопросов права. Конечно, это не отменяет того факта, что рассматриваемый принцип (его текстовая формулировка), безусловно, имеет определенное идеологическое наполнение, которое соответствует как историческим условиям принятия действующего Основного закона страны, так и текущему моменту в развитии российского общества и государства. Но для решения сугубо юридических вопросов, для исключительно правовой характеристики рассматриваемого принципа все перечисленные исторические и идеологические условия, факторы и компоненты имеют внешний и порой лишь справочный характер, и потому не позволяют корректно (с точки зрения юридико-догматических оснований) выявить нормативное содержание принципа признания и защиты равным образом различных форм собственности, которое одновременно соответствовало бы как буквальному смыслу слов и выражений, использованных для его закрепления в конституционном тексте, так и имеющейся практике правотворчества и правоприменения.

Ситуация с выработкой подхода к определению нормативного содержания рассматриваемого принципа и последующей интерпретации этого содержания, который являлся бы в достаточной степени корректным с позиций его юридико-догматических оснований, дополнительно осложняется еще и тем, что далеко не все представители юридической науки склонны соглашаться с представлением о форме

собственности как о правовой категории: в частности, ряд довольно авторитетных ученых-юристов категорически отрицают существование форм собственности в юридическом смысле, считая, что современная российская правовая традиция основана на признании единой модели права собственности, а понятие форм собственности является внеправовым, относится к числу экономических категорий [22, с. 217, 223-224]; [23, с. 85]; [26, с. 24].

Как представляется, ключ к выработке требуемого юридико-догматического подхода в осмыслении нормативного содержания принципа признания и защиты равным образом различных форм собственности лежит в плоскости, связанной с определением значения терминов «признание» и «защита», использованных (правда, в глагольной форме) в тексте части 2 статьи 8 Конституции РФ. Важно учитывать в этой связи и семантическое соотношение указанных терминов в привязке к выражению «равным образом», которое в соответствии с правилами русского языка может быть отнесено в рамках рассматриваемого конституционного положения как к «признанию» и «защите» одновременно, так и только к «защите» различных форм собственности. И в этом качестве текстовое закрепление анализируемого принципа в указанной конституционной норме, с точки зрения канонической юридической техники, изначально не может быть признано в достаточной степени удачным, выверенным.

Осуществляя анализ смыслов, текстуально зафиксированных в части 2 статьи 8 Конституции РФ при помощи терминов «признание» и «защита» (выраженных соответствующими глаголами), следует отметить, что, со всей очевидностью, наибольшую многозначность восприятия вызывает первый из них – «признание»; в случае с трактовкой термина «защита», как представляется, российская юридическая наука во многом единодушна, ибо традиционно в современной отечественной юриспруденции понятие о защите права рассматривается как применимое к случаям нарушения субъективных прав, включая существование спора о праве [3, с. 72-79]; [8, с. 472-473]; [10, с. 628]; [20, с. 419, 617].

Обращаясь к лексическим значениям слова «признание» в русском языке, можно видеть, что в релевантном контексте (т.е. при описании юридических явлений и отношений) данное слово означает определенный волевой юридически значимый акт, имеющий характер позитивной констатации либо позитивного подтверждения тех или иных фактов и состояний [2; 24]. Соответственно, антонимом по отношению к слову «признание» выступает слово «отрицание» [2; 24]. Отмеченное смысловое значение слова «признание»

находит свое подтверждение и в текстах действующих нормативных правовых актов [9]; [13-16].

В последнее время в отечественной науке конституционного права сформулирована также точка зрения о том, что слово «признание» в том контексте, в котором оно употреблено в части 2 статьи 8 Конституции РФ, следует трактовать как указывающее на естественный характер права собственности, неотчуждаемость абстрактной возможности обладать вообще каким-либо имуществом на праве собственности, принципиально легитимированной человечеством с незапамятных времен в ряду и других фундаментальных социальных интересов, а потому существующей вне зависимости от позитивно-правовых установлений (т.е. как естественное право на собственность) [21, с. 28-29].

В то же время, нельзя не отметить, что смысловое значение термина «признание», который используется в юридических текстах как указание на некоторое подтверждение, констатацию имеющего юридическое значение фактического положения дел, побуждает обратить внимание на еще одну немаловажную деталь, критически влияющую на юридико-догматическое восприятие принципа, закрепленного в части 2 статьи 8 Конституции РФ. Дело в том, что очень многие исследователи, кто обращается в своих трудах к положениям рассматриваемой конституционной нормы, исходят из того, что *она является императивом, адресованным государству* [1, с. 160]; [4, с. 170]; [12, с. 239]; [25, с. 311]. Однако буквальное толкование слов и выражений, содержащихся в рассматриваемой конституционной норме, позволяет сделать вывод о том, что ее содержание существенно шире, поскольку она не содержит какого-либо прямого либо даже косвенного указания на субъекта признания различных форм собственности. Отсюда можно заключить, что признание, о котором идет речь в части 2 статьи 8 Конституции РФ, представляет собой юридически значимый акт легитимации *обществом* (а не непосредственно государством) различных форм собственности, которые по своей сущности не вступают в противоречие с конституционными идеалами и ценностями, ибо сложно было бы представить себе самую возможность признания в современной России, например, собственности одного человека в отношении телесных и иных физических качеств другого, равно как и собственности, имеющей *a priori* криминальное происхождение или предназначение.

Соответственно, поскольку юридико-догматическая интерпретация конституционной нормы, содержащейся в части 2 статьи 8 российской Конституции, ориентирует на применимость указанного выше

широкого взгляда на понятие «признание», постольку уместен вывод о том, что термин «признание» в данном контексте действительно включает в себе естественно-правовую рациональность, на что уже обращалось внимание выше. По этой причине данный термин должен закономерно пониматься как указание на то, что соответствующее признание (как акт легитимации обществом) может быть обеспечено не всякому экономическому взаимодействию, сложившемуся в обществе в определенной юридически значимой форме, а лишь такому, которое может быть опознано в самом общем виде в качестве явления самой собственности. Таким образом, конституционная норма, содержащаяся в части 2 статьи 8 Конституции РФ, включает в себе указание на правовую конструкцию собственности (любой) как наиболее полного субъективного права на вещь, что служит основанием для весьма важного синаллагматического вывода. *С одной стороны*, в качестве формы собственности по смыслу рассматриваемой конституционной нормы может быть признан лишь такой порядок экономического взаимодействия, определенно имеющий юридически значимый характер, в основании которого лежит наиболее полное право лица на вещь, которому противопоставляется индивидуально не определенная обязанность всех прочих лиц воздерживаться от нарушения указанного права и не препятствовать в его законном осуществлении. *С другой стороны*, в данном контексте рассматриваемая норма Конституции РФ **служит нормативным источником совершенно равного подхода к легитимации обществом различных экономических взаимодействий в качестве определенных форм именно собственности**: требуется единственно лишь соответствие этих взаимодействий указанному выше, предельно генерализованному представлению о собственности вообще как о юридическом отношении, которое предполагает и последовательно конституирует абсолютный характер правовой связи собственника и несобственников.

Сформулированные выше суждения предполагают, по меньшей мере, два значимых следствия, наблюдаемые в эмпирической плоскости, включая не только вопросы правоприменения, но и правовой политики, отражающейся в нормах актов текущего, подконституционного законодательства.

Первое следствие состоит в том, что с учетом прямого действия российской Конституции любое экономическое взаимодействие, легитимированное (опознанное) обществом в качестве определенной юридически допустимой формы собственности, даже не будучи закреплено в нормах позитивного права, всё же обеспечивается правосудием на основе

непосредственного применения конституционных норм в той же мере, что и формы собственности, известные законодательству. С этой точки зрения указание в упомянутой конституционной норме на то, что в Российской Федерации **защищаются равным образом** различные формы собственности, служит естественным продолжением той интерпретации, которая приведена выше в отношении термина «признание», который в глагольной форме использован в части 2 статьи 8 Конституции РФ: иными словами, признание (легитимация) обществом определенного экономического взаимодействия в качестве собственности не может допускать ситуацию, когда такому взаимодействию предоставляется правовая защита либо отказывается в ее предоставлении в зависимости от того, конституированы признаки указанного экономического взаимодействия в позитивном праве или нет. В самом общем виде этот тезис как раз и отражает содержание конституционного императива о защите равным образом различных форм собственности.

Однако же, указание в части 2 статьи 8 Конституции РФ на защиту равным образом различных форм собственности в Российской Федерации должно интерпретироваться лишь как предполагающее универсальный и оттого равно применимый характер средств правовой защиты разных юридических форм собственности (как поименованных в нормах позитивного права, так и непоименованных, но в целом отвечающих признакам собственности как юридического феномена) *при условии наиболее обобщенного, максимально абстрактного представления о таких средствах правовой защиты, не исключающего при этом их конкретной детализации и дифференциации в нормах текущего, подконституционного законодательства на основе конституционно установленного баланса публичных и частных интересов*. Последнее подтверждается, в частности, тем, что действующему российскому праву известен довольно обширный перечень случаев, когда в целях обеспечения конституционно установленного баланса публичных и частных интересов права частных собственников на удовлетворение своих притязаний могут быть ограничены в пользу публичного собственника [5], и наоборот [7]; это позволяет говорить о том, что провозглашенное в части 2 статьи 8 Конституции РФ **правило о защите равным образом различных форм собственности в Российской Федерации не имеет и не может иметь абсолютного значения**, если только мысленно не изъять его из контекста иных конституционных положений.

Вторым следствием, вытекающим из сформулированных выше суждений об истолковании термина

«признание», использованного в глагольной форме в части 2 статьи 8 Конституции России, выступает подход, который допустимо и оправданно было бы считать применимым для ответа на вопрос о том, *в чем именно такое признание может выражаться* как юридический акт легитимации обществом того или иного экономического взаимодействия в качестве правовой формы собственности.

Поиск ответа на обозначенный вопрос, прежде всего, должен опираться на представление о сущности признания как юридического акта *легитимации*, т.е. инкорпорации того или иного фактического социального явления в ткань юридического быта, иными словами, в границы установившегося правопорядка. Разумеется, что в данном контексте на первый план выносятся дискурс, касающийся вопроса о том, что есть правопорядок как правовой порядок и как порядок жизни общества, установленный правом, а отсюда и о соотношении права и закона, правопорядка и законности. Правда, едва ли в рамках настоящей работы следует погружаться в подробный анализ данного дискурса, поскольку, по справедливому замечанию В.И. Крусса, «природа научного знания “вмещает” и гносеологическую двусмысленность того хорошо известного юристам и “невероятного” для неопитов обстоятельства, что до сих пор не найден “всеобщий правовой критерий, на основании которого можно вообще различать правовое и неправовое”» [11, с. 24].

В контексте обсуждаемого вопроса – вопроса о юридизации фактических социальных явлений (путем их признания обществом), – достаточным будет указать на то, что любая собственность (в юридическом смысле данного понятия), как известно, покоится на соответствующем правовом титуле; соответственно, понимая, что в различных жизненных ситуациях правовые титулы собственности могут быть совершенно различны (сделка, закон, административный акт, судебное постановление, обычай, международный договор и т.д.), следует констатировать, что признание той или иной формы собственности само по себе становится возможным там и тогда, где и когда не то, что бы присутствует тот или иной уже известный праву титул в отношении определенных имущества у столь же определенных лиц, а там и тогда, где и когда имеется юридически значимая и отвечающая правовым ценностям общества (т.е. правовая) *титულიность обладания имуществом*. Последняя, в свою очередь, не только и не столько нисходит к своим внешним проявлениям в виде нормативной фиксации в позитивном праве конкретных правовых титулов собственности, сколько восходит к

конституционно признанным идеалам социальной справедливости, *bona fides* и верховенства права.

В данной связи совершенно уместными выглядят формулируемые в последнее время в общей теории права воззрения о том, что «право приходит в социальный мир как продукт человеческого сознания (разума), как некое суждение о должном. Разумеется, не всякое суждение становится правом и даже может претендовать на это. Необходимы, в частности, соответствующее общественное *признание (легитимность)* и согласованность с уже существующим правом (*легальность*). Для правового суждения базового, основополагающего порядка условие легальности логически дезавуируется, легитимность же вырастает до уровня выражения... народного суверенитета. Демократическое волеизъявление о праве не может делегироваться государству в его институционально-властном воплощении... Идея (идеал) верховенства права исключает такой сценарий (курсив и выделение наши. — М.Б.)» [11, с. 32-33].

Не случайно поэтому, например, нормы гражданского законодательства о vindикации дифференцированы применительно, в том числе, и к факту добросовестности (либо недобросовестности) обретения вещи владеющим несобственником [6]. Вопросы добросовестности приобретения имущества в контексте положений статей 167, 302 и ряда других норм Гражданского кодекса РФ также уже не раз становились предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ [17-18]. Справедливыми в этом отношении представляются и суждения ряда современных ученых-юристов, касающиеся вопроса о базовых условиях, ключевых критериях легитимации в обществе тех или иных имеющих юридическое значение ситуаций – событий, действий *et cetera*. В частности, В.И. Красс отмечает: «Конституционное правопонимание исключает юридическое **признание** такого пользования правами человека, которое приобретает характер злоупотребления правом; конституционализация обеспечивает... противодействие... неконституционным, по сути, формально законным практикам (выделено мной. – М.Б.)» [11, с. 21-22].

В результате, признание равным образом различных форм собственности, о котором идет речь в части 2 статьи 8 российской Конституции, не может интерпретироваться ни как установление совершенно одинаковых правовых режимов для всех типов и разновидностей собственности, ни как нормативное закрепление равно применимых (универсальных) правовых титулов, лежащих в основании соответствующих прав на вещи, хотя бы эти права и явля-

лись относительно однородными, и были взяты для анализа в сравнимых обстоятельствах. *Социальный и, одновременно, юридический смысл признания, осуществляемого равным образом в отношении разных форм собственности, заключается в том, что посредством данного юридического акта общество подтверждает (констатирует), что фактически существующее положение дел — в данном случае, любое экономическое взаимодействие, отвечающее наиболее обобщенным юридическим признакам собственности как таковой, — обладает в своем основании, генезисе, происхождении качеством правовой титульности, т.е. титульности, которая соответствует правовым ценностям (прежде всего, идеалам социальной справедливости и добросовестности) и/или нормативно закрепленным способам приобретения либо прекращения права собственности (в отсутствие злоупотребления правом).* В этом смысле любая форма собственности, которая гипотетически может являться признаваемой в Российской Федерации с позиций императива, содержащегося в части 2 статьи 8 Конституции РФ, действительно будет иметь в основании своего происхождения и дальнейшего существования титульность, столь же воспринимаемую (легитимируемую) обществом с позиций права — читай, в качестве нормы жизни, — что и титульность, которая лежит в основании социального происхождения и дальнейшего существования всех иных форм собственности, уже признанных обществом к текущему моменту.

Резюмируя результаты анализа вопроса о нормативном содержании принципа признания и защиты равным образом различных форм собственности в Российской Федерации, следует отметить, что предложенная выше интерпретация данного принципа, не претендуя на непогрешимость и, тем более, окончательность, указывает, вместе с тем, на то обстоятельство, что в юридико-догматическом плане нормативное содержание этой исходной, базовой правовой идеи оказывается несоизмеримо более широким (и отчасти даже располагает в ином аксиологическом измерении), нежели в последние два десятилетия

было принято считать в отечественной юридической науке, привычно следовавшей в этом вопросе логике конвенциональных концепций, явно проникнутых либеральной идеологией свободного рынка, которая была исторически характерна для начала эпохи 1990-х гг. в нашей стране. Любые попытки пренебречь данным обстоятельством, абстрагироваться от него, остаться на позициях мировоззренческой парадигмы, свойственной общественно-политической практике времен трансформации советской системы хозяйствования, означают, ни больше, ни меньше, неизбежную редукцию конституционного значения рассматриваемого принципа, значительно обедняют его нормативное содержание, становятся источником искажения конституированной в Основном законе страны юридической модели самого явления собственности в целом.

Таким образом, *ключевой смысл (основное юридическое предназначение, ядро нормативного содержания) принципа признания и защиты равным образом разных форм собственности в Российской Федерации усматривается в конституционном закреплении базовой правовой идеи, на основе которой формирующиеся, как и уже существующие в обществе экономические взаимодействия могут быть в целом опознаны — и далее, признаны (юридизированы) и защищены, — в качестве явления самой собственности (в юридическом, конечно же, смысле).* Вне такой логики любой разговор о равенстве признания разных форм собственности — как о равно применимых к ним основаниях легитимации, включая и защиту от посягательств, — неизбежно превратился бы в эмпирически не подтверждаемую и оттого умозрительную спекуляцию. Как следствие, в этом его значении роль принципа признания и защиты равным образом различных форм собственности в Российской Федерации является без преувеличения критичной — и для регламентации вообще отношений собственности в стране, и для регулирования сферы публичной собственности, в частности, — чем и предопределяется его закономерное «местоположение» в ряду основ конституционного строя современной России.

Библиография:

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. — 10-е изд., изм. и доп. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. — 784 с.
2. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая российская энциклопедия, 1997. — 1434 с.
3. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. — М., 1976. — 215 с.
4. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). — М.: Юристъ, 2004. — 286 с.
5. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 01.08.2016) (п. 4 ст. 123.22) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

6. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 01.08.2016) (ст.ст. 302, 303) // Там же.
7. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 02.03.2016) (п. 1 ст. 446) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
8. Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М., 1967. – 494 с.
9. Кодекс внутреннего водного транспорта РФ от 07.03.2001 № 24-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) (п. 3 ст. 16 – о государственной регистрации судна и прав на него) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В.Д. Зорькина-3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 1040 с.
11. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 240 с.
12. Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. – М.: Городец, 2004. – 380 с.
13. О военном положении: федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (в ред. от 12.03.2014) (ч. 2 ст. 3 – о признании соответствующих действий актами агрессии против Российской Федерации) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
14. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) (п. 3 ст. 1) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344 (вступает в действие с 1 января 2017 г.).
15. О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними: федеральный закон от 14.03.2009 № 31-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) (п.п. 1, 3 ст. 1) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 11. Ст. 1260.
16. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 14.12.2015) (абз. 2 ст. 79 – о невозможности преодоления повторным рассмотрением ранее принятого Конституционным Судом РФ решения о признании акта неконституционным) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 1050-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Большакова Геннадия Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации // Документ официально опубликован не был, имеется в справочной правовой системе «КонсультантПлюс» по сост. на 15.08.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=93026;fld=134;dst=100012;rnd=184768.011155603220686316;ts=01847683590107762720436>
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева // Собрание законодательства РФ. 2003. № 17. Ст. 1657
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2006 № 8-П по делу о проверке конституционности ряда положений части 11 статьи 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» в связи с запросом Правительства Москвы // Собрание законодательства РФ. 2006. № 28. Ст. 3117.
20. Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2014. – 958 с.
21. Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения: Дис... д-ра юрид. наук; 12.00.02. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. – 400 с.
22. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – 893 с.
23. Суханов Е.А. Понятие права собственности в российском законодательстве и модельном Гражданском кодексе для стран СНГ // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4; 2001. № 1. С. 85 – 88.
24. Толковый словарь русского языка: [в 4 т.] / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Изд. центр «Терра», 1996. – Т. 3: П-Ряшка / Сост. В.В. Виноградов и др.; Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков. – 1424 с.
25. Чиркин В.Е. Конституционное право: Курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов; Институт государства и права РАН. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. – 688 с.
26. Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. – М., 1996. – 186 с
27. Л.В. Максимов Что такое мораль: проблема определения // Философия и культура. 2012. № 10. С. 115 – 126.
28. Бандурин Н.В. Правовые проблемы участия представителей государства в осуществлении корпоративного управления государственной собственностью // Административное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 14 – 20.
29. Винницкий А.В. Доктрина публичной собственности в административном праве Франции // Административное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 465 – 474. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.05.12.

References (transliterated):

1. Baglai M.V. Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: Uchebnik. – 10-e izd., izm. i dop. – М.: Norma: NITs INFRA-M, 2013. – 784 s.
2. Bratus' S.N. Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost'. Ocherk teorii. – М., 1976. – 215 s.
3. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. – М., 1967. – 494 s.

4. Kruss V.I. Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii. – M.: Norma: INFRA-M, 2016. – 240 s.
5. Mazaev V.D. Publichnaya sobstvennost' v Rossii: konstitutsionnye osnovy. – M.: Gorodets, 2004. – 380 s.
6. Saurin A.A. Pravo sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovye predely realizatsii i ogranicheniya : Diss....d-ra yurid. nauk; 12.00.02. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2014. – 400 s.
7. Sklovskii K.I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave. 5-e izd., pererab. – M.: Statut, 2010. – 893 s.
8. Sukhanov E.A. Ponyatie prava sobstvennosti v rossiiskom zakonodatel'stve i model'nom Grazhdanskom kodekse dlya stran SNG // Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie. 2000. № 4; 2001. № 1. S. 85 – 88.
9. Chirkin V.E. Konstitutsionnoe pravo: Kurs dlya prepodavatelei, aspirantov i magistrantov; Institut gosudarstva i prava RAN. – M.: Norma: NITs Infra-M, 2013. – 688 s.
10. Shchennikova L.V. Veshchnye prava v grazhdanskom prave Rossii. – M., 1996. – 186 s
11. L.V. Maksimov Chto takoe moral': problema opredeleniya // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 10. С. 115 – 126.
12. Bandurina N.V. Pravovye problemy uchastiya predstavitelei gosudarstva v osushchestvlenii korporativnogo upravleniya gosudarstvennoi sobstvennost'yu // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2011. № 10. С. 14 – 20.
13. Vinnitskii A.V. Doktrina publichnoi sobstvennosti v administrativnom prave Frantsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 5. С. 465 – 474. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.05.12.